

Вышедший недавно в серии «Эпос народов СССР» том украинских народных дум примечателен во многих отношениях. Русский читатель до сих пор не имел более или менее полной антологии украинских дум ни на языке оригинала, ни в русском переводе. Сейчас у него появился сборник всех основных сюжетов этого замечательного эпоса. Думы даны на украинском языке, но чтение их не является для русского читателя делом трудным, тем более что среди приложений имеется довольно большой словарь украинских слов, но было бы полезным указать значение некоторых букв украинского алфавита, что способствовало бы получению русским читателем правильного представления о звучании украинского текста.

Составитель антологии Б. П. Кирдан — один из лучших знатоков украинского эпоса. Широко известны две его книги — «Украинские народные думы (XV — начало XVII в.)» и «Украинский народный эпос», вышедшие в 1962 и 1965 гг. В первой книге рассматриваются сюжеты о борьбе с татарами и турками, во второй — о борьбе против гнета магнатской Польши, а также думы социально-бытового характера. Новая книга Б. П. Кирдана возникла, таким образом, на основе большого исследовательского опыта и знания всей литературы вопроса.

Для украинского читателя книга также представляет большой интерес прежде всего потому, что содержит довольно много новых текстов (35). Для того чтобы их найти, составителю пришлось ознакомиться со многими архивами, причем, как видно из примечаний к книге, Б. П. Кирдан провел большую работу по сопоставлению ранее опубликованных текстов с их рукописными оригиналами и выявил при этом немало существенных различий между ними.

Такое большое количество новых публикаций само по себе обеспечивает сборнику видное место в литературе о думах, так как с 1931 г. крупных публикаций дум не было.

Книга состоит из двух основных частей: «Историко-героические думы XV—XVII вв.», «Социально-бытовые думы» и двух небольших разделов: «Думы о революционных событиях 1905 г.» и «Думы, созданные советскими кобзарями».

В первую часть вошли два цикла дум историко-героической тематики: о борьбе с татарско-турецкой агрессией и о борьбе против гнета магнатской Польши. Циклы довольно легко различаются хронологически: сюжеты первого из них появились в основном до середины XVII в., тогда как сюжеты второго почти все относятся к 1648—1657 гг. Лишь отдельные думы возникли на десятилетие раньше или позже этого времени. В приложениях к сборнику даются примечания к думам, разъясняющие главным образом их историческую основу. Особенно подробны примечания к думам о борьбе с польским угнетением, здесь нередко находим новые материалы и сопоставления, например, шире, чем обычно, комментируется образ Барабаша, рассматриваются две версии, касающиеся вопроса о существовании универсала Владислава IV казакам, уточняются данные о некоторых соратниках Б. Хмельницкого и т. п. (стр. 454—456).

В целом выбор текстов исторических дум следует признать удачным, и если некоторые сюжеты представлены многими текстами («Три брата Азовские», «Проводы казака»), а другие немногими, то это объясняется стремлением составителя представить важнейшие версии и опубликовать все доброкачественные новые тексты. Единственное наше замечание, касающееся выбора текстов для сборника, относится к думе о Самойле Кошке. В сборнике приведены два лучших текста, а следовало бы поместить хотя бы еще одну из записей другой версии думы, где казаки, бежав из плена, попадают не в устье Днепра, а на остров, очевидно, Средиземного моря. Данная версия содержит важные исторические детали.

К социально-бытовым думам обычно относят произведения с семейно-бытовой тематикой и «Думу о Феське Ганже Андыбере», в которой изображается классовый конфликт между рядовыми казаками и казачьей старшиной, хотя и разворачивающийся в бытовой обстановке. Эта дума, отмеченная выразительным историческим колоритом, приурочивается к середине XVII в., и ее с успехом можно было дать среди дум исторических. Что касается думы об Олексие Поповиче, которую составитель тоже поместил среди социально-бытовых, то это нововведение вряд ли можно считать удачным, так как, хотя во многих вариантах думы делается акцент на покаянии главного героя, совершившего большие грехи, нельзя не видеть военную основу сюжета этой думы.

События 1905 г. отражены в двух текстах, оба они помещены в сборнике. Их принято считать различными произведениями, хотя они созданы одним и тем же кобзарем М. Кравченко и повествуют о расправе карательного отряда с крестьянами села Большие Сорочинцы, родины кобзаря. В примечаниях отмечается выступление В. Г. Короленко в защиту пострадавших крестьян, но следовало бы указать и на непосредственную помощь писателя кобзарю в разработке первого из этих произведений.

В разделе, посвященном думам советского времени, составитель приводит три произведения: «О войске Красном, о Ленине-отце и сыновьях его верных», «Дума о Ленине» и «Нерушимая дружба». Думы выбраны очень удачно. Одна из них является первой советской думой, созданной коллективом кобзарей в 1923 г., вторая вошла в репертуар кобзарей 20—30-х годов, третья создана коллективом самодель-

ных кобзарей в 50-х годах. Все три думы характеризуются традиционной поэтикой. Конечно, раздел этот можно было бы расширить, но главным образом за счет произведений, не бытующих в народе и созданных кобзарями, не прошедшими традиционной школы.

Достоинством книги является научная осторожность составителя, выражающаяся в достаточно критическом отношении к опубликованным текстам. Как опытный фольклорист, в результате многолетней работы над текстами обладающий чутким подлинности народно-поэтического языка, он указывает сомнительные в отношении аутентичности произведения. Особенно отчетливо это проявилось в некоторых примечаниях, где Б. П. Кирдан показывает редакторскую правку дореволюционных собирателей и издателей (стр. 463, 471 и др.). Порой составитель отказывается от воспроизведения в книге отдельных текстов, в свое время признанных ненародными, но в отношении которых впоследствии без достаточных оснований были предприняты попытки реабилитации.

Составителю сборника удалось обогатить книгу двумя бытовыми сюжетами — «Возвращение сына» и особенно явно социальной думой — «Совет матери сыну о женитбе», которые, хотя и были опубликованы давно, ранее не рассматривались как думы и поэтому не попали в соответствующие сборники.

В книге есть лишь два текста, которые могут вызвать подозрения в отношении аутентичности. Это думы «О Сулиме, Павлюке, еще и о Яцьке Остриянице», в ритмической структуре которой явно проглядывает равносложный размер 8+6, являющийся не думной, а песенной формой, и «Иван Богун», сложенная довольно рыхлым стихом и в некоторых деталях не соответствующая поэтике дум. В отношении второго произведения сам составитель выразил определенные сомнения. Оба текста записаны в 1928 г., причем первый — от кобзаря П. С. Дривченко, слабо связанного с традицией, а второй — от певца, не бывшего ни кобзарем, ни лирником и поэтому передавшего текст в разрушенном виде.

Весьма содержательна вступительная статья сборника, в которой изложена история профессионального исполнительства дум (кобзарства), характеризуется цеховая организация кобзарей («братства»), рассмотрен вопрос о влиянии книжности на думы (при этом правильно указано на превращение этого влияния в прошлом), изложена история публикации дум, затем — их исследования. Здесь также верно указано на существование в прошлом подделок и на необходимость более осторожного пересмотра вопроса о некоторых текстах, вызывавших подозрение и ранее.

Все основные методологические проблемы изучения дум, поставленные в книге, не вызывают возражений. Но хотелось бы некоторых дополнений. Б. П. Кирдан правильно указывает, что трансформация дум в устном бытовании шла по двум направлениям: «усиливалось социальное звучание произведений» и «некоторые героические произведения получали моралистическую окраску» (стр. 39). Но есть и третье направление, характерное как для дум, так и для других историко-эпических жанров: в результате утери исторических приурочений в думе постепенно усиливаются бытовые мотивы и она превращается в бытовую.

Следовало, пожалуй, несколько подробнее остановиться на композиции дум и охарактеризовать природу их концовки, так называемой славы героя думы. «Слава» относительно автономна, что открывает большие возможности для импровизации. Этим объясняется встречающееся порой не совсем полное соответствие сюжету думы ее «славы», так как последняя варьировалась кобзарем, который мог уже не до конца понимать детали сюжета и поступки героев. О самостоятельности «славы» свидетельствует, например, концовка публикуемой в сборнике думы о трех братьях Самарских (стр. 98), оформившаяся, как видно, в условиях турецкого плена.

Нам кажется, что в предисловии следовало наглядней показать жанровое отличие дум от народных песен, прежде всего их ритмическое различие. Правда, С. И. Грица в статье «Музыкальные особенности украинских народных дум» касается этого вопроса, но весьма академично, к тому же литературная структура «уступов» и роль в ней рифмы здесь не раскрыты (стр. 57). Однако упомянутую статью следует причислить к большим достоинствам книги. Статья свидетельствует, что изучение названной сложной проблемы продолжает развиваться, так как содержит новые, по сравнению с трудами Филарета Колессы, положения. Так, С. И. Грица вносит новое в изучение ладовой основы дум (стр. 58), указывает на связи их с музыкой не только причетов, но и ряда других фольклорных жанров (стр. 64), на связи с южнославянским мелосом (стр. 62), подчеркивает, что при исследовании проблематики дум нужно учитывать как факторы культурных взаимовлияний, так и «важнейшие предпосылки для самостоятельного развития жанра на украинской почве». Очень интересно указание на то, что при всем интонационном и стилистическом единстве жанра думы неоднородны: одни отличаются декламационным, другие — мелодизированным речитативом. Думы первого типа ближе к причитаниям, второго — к песне (стр. 62). С. И. Грица правильно отмечает подчинение музыкального речитатива тексту и согласованность в них акцентуации и ритмической архитектоники (стр. 54), «органический синтез музыкального начала с образно-тематическим содержанием дум» (стр. 58), наблюдаемое порой приближение напевов речитативного склада к речевой интонации (стр. 59). Более спорно ее мнение о том, что «эпицентром возникновения древнего пласта дум было Южное Приднпровье и Причерноморье». Автор ссылается на упоминание в думах

Царьграда и Красного моря и на связи с тематикой южнославянской песни (стр. 64). Однако, если говорить о XVI в. или тем более о XV в., то ни Южное Приднепровье, ни Причерноморье не имели сплошного населения (границей Дикого поля были Рось, Стугна, все это уже недалеко от Киева). Запорожские паланки получили большое развитие лишь в XVIII в.

Недостатком указанной статьи является усложненность ее языка.

Характерной особенностью методологии Б. П. Кирдана, выявившейся как в его монографиях, так и в рецензируемом сборнике, является то, что он твердо стоит на позициях историзма в понимании дум, видя в них прежде всего повествование о событиях и героях национально-освободительной и классовой борьбы украинского народа. В соответствии с этими принципами автор трактует основные сюжеты, относясь к думам как к замечательным художественным произведениям, в которых отразилась история народа в свете его мировоззрения.

Мы далеки от мнения, что в примечаниях можно было осветить все основные гипотезы об исторической основе каждой думы. Но всё же следовало несколько расширить примечания, относящиеся к некоторым думам в борьбе с турецкой агрессией, в частности отметить гипотезу о связи думы о Самойле Кошке с эпизодом захвата турецкой галеры в 1642 г. русскими и украинскими невольниками.

Что касается трактовки думы об Ивасе Коновченко, то о ней, думается, полезно сказать несколько слов. Ранее мы отмечали¹, что эта дума повествует о походе охотного войска под командованием полковника Филоненко в 1628 г. из Корсуня под турецкую крепость Тягину, впоследствии переименованную турками в Бендеры. В документах по истории Украины это событие мало известно, однако о нем в том же году сообщал своему начальству в Варшаву глава польской власти на Украине Стефан Хмелевский.

Б. Кирдан в книге «Украинские народные думы (XV — начало XVII в.)» (стр. 244) не согласился с данным предположением (тогда он пользовался текстом моего предварительного сообщения на IV Международном съезде славистов, работа же еще не была напечатана), считая, что имена, географические названия и данные о походе могли попасть в думу позже времени ее возникновения. Он исходил из того, что изображение исторических деятелей в думах начинается лишь с середины XVII в. и поскольку в думе об Ивасе Коновченко «реальные события переплетены с фантастическими», она, вероятно, возникла гораздо раньше (стр. 243). Действительно, о древности данной думы ранее писали М. Халанский и М. Дашкевич (отметим, однако, что указанного сообщения Хмелевского они не знали).

Но, приурочивая данную думу к походу 1628 г., мы имеем в виду не только совпадение имени и звания Филоненко (кстати, лица не второстепенного в истории и во всяком случае очень популярного), а также упоминание таких географических названий, как Тягинь, Корсунь и окружающие города, Копистерия, находившийся на пути из Поднепровья в Молдавию в обход Черного леса, Савранская и Черная долины, а также обстоятельства набора не казачьего, а именно охотного войска из ремесленников и крестьян. Такой комплекс случайно попасть в думу не мог. Делая из этого факта выводы, необходимо признать, что если дума изначально не изображала поход 1628 г., то она поразительно «историзировалась» в 20—30-х годах XVII в. Но коль скоро факты такой многосторонней «историзации» — явление в высшей степени редкое (трудно найти подобный пример), то второе предположение необходимо обосновать безусловными доказательствами особой древности думы. А каковы они? Мифологических, магических, анимистических представлений в ней не видно. Ивась превратился в «дитину» (ребенка) в результате разработки кобзарями мотива его особой молодости и незрелости. «Детство» Ивася в сюжете роли не играет. Остается единственное: гиперболизация подвигов героя в бою. Он убивает сотни врагов и сотни приводит на аркане в плен, несколько напоминая былинных богатырей. В думах батальные гиперболы редки, однако имеются: Матяш (герой другой думы) уничтожает в бою даже тысячи врагов. Можно, правда, возразить, что и «Матяш», может быть, восходит к древнему эпосу. Возможно. Но возьмем песню о гибели брацлавского полковника Данила Нечая в 1651 г. Историческое приурочение ее несомненно. Между тем Нечай именно как богатырь кладет врагов снопами в два ряда, тысячи врагов сечет, как солому, вражья кровь льется реками, конь Нечая не может выскочить из горы трупов, поэтому герой погибает. Приходится прийти к естественному выводу, что в XVII в. украинская героико-эпическая традиция была еще тесно связана с предшествовавшей древнерусской былинной традицией (есть и некоторые другие доказательства такой связи) и этим объясняются батальные гиперболы и думы о Коновченко и песни о Нечаях. Значит, гиперболизм подвига Коновченко не доказывает более древнее, чем начало XVII в., происхождение этой думы, тогда как приведенные факты и многие детали, о которых мы здесь не упоминаем, прикрепляют ее именно к этому веку.

Книга Б. П. Кирдана содержит богатый научный аппарат. Кроме обширных примечаний, пять музыкальных записей дум, довольно большого словаря украинской лек-

* «Про походження думи „Івась Коновченко“, «Народна творчість та етнографія», 1961, № 3; «Взаимосвязи русского и украинского эпоса», М., 1963, стр. 333—354.

стики, встречающейся в думах, имеются также сведения об исполнителях дум и указатель географических наименований. Все это выполнено с большим знанием дела, можно сказать, безукоризненно.

М. М. Плисецкий

Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972, 382 стр.

Г. Н. Потанин — один из крупнейших исследователей казахского фольклора. Значительная часть собранных им материалов была опубликована еще до Великой Октябрьской социалистической революции¹. Многие записанные Г. Н. Потаниным сказки в советское время перепечатывались в популярных книгах (научного издания казахских сказок до сих пор не существует). Целиком собрание Г. Н. Потанина не переиздавалось. Появление книги, подготовленной Н. С. Смирновой и ее учениками С. А. Қаскабасовым и Е. Д. Турсуновым, вызвано давно назревшей необходимостью ввести в широкий обиход богатейшие материалы Г. Н. Потанина и дать им оценку с точки зрения сегодняшней фольклористики и этнографии.

Составителями сборника проделана огромная работа. Помимо сбора публикаций, порой разбросанных по редким дореволюционным провинциальным газетам, они обследовали архивы Алма-Аты, Томска, Ленинграда. В результате в сборник вошли легенды и предания, приметы и обычаи, сказки и анекдоты, обрядовые песни и, наконец, те произведения акынов, которые находятся уже на рубеже фольклора и литературы. Этот чрезвычайно ценный материал вызывает доверие (что немаловажно, потому что среди публикаций казахского фольклора встречается много фальсификаций).

Обращают на себя внимание комментарии к текстам, очень обстоятельные. Здесь мы находим и маленькие научные экскурсии о сказках, и этнографические этюды, археологические, исторические, религиоведческие и лингвистические изыскания, а также обширную библиографию. Нет сомнения, что приведенный в комментариях богатейший этнографический материал будет хорошим подспорьем для всех, кто изучает культуру и быт тюркских и соседних с ними народов. Так, например, в приложении к «Преданию о корове» объясняется, что такое «жай тас» — магический камень, вызывающий непогоду. Это не обычная справка, характерная для большинства комментариев, а маленькое исследование с библиографией, включающей 10 работ.

В рецензируемом сборнике нет типологического анализа сюжетов, сопровождающего издания сказок в серии «Сказки и мифы народов Востока». Это, видимо, объясняется тем, что в потанинский сборник входят не только сказки. Однако комментарии к ним оформлены в соответствии с современными требованиями: обязательно даются ссылки на указатели А. Аарне — С. Томпсона, Н. П. Андреева, а также В. Эберхарда и П. Боратава. При этом здесь имеются не только традиционные указания на варианты, но и оригинальные наблюдения над сказкой, выдвигаются гипотезы о ее исторических корнях.

Кроме того, комментарии прекрасно обрисовывают Г. Н. Потанина как ученого. Здесь много никогда не публиковавшихся вариантов сказок и заметок Г. Н. Потанина, его собственных примечаний, не потерявших своего значения до настоящего времени. Эти примечания позволяют судить и о методике Г. Н. Потанина-фольклориста.

Сборник открывается большой вступительной статьей «Потанин — собиратель и исследователь казахской народной поэзии». Ее автор, Н. С. Смирнова, дает яркую картину жизненного и научного пути Г. Н. Потанина, места его в истории русской науки. Она внимательно изучила большое научное наследие Г. Н. Потанина, начиная от таких солидных трудов, как «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», до программ для собирателей, опубликованных в местных газетах, и сумела внести значительные поправки в портрет Г. Н. Потанина, человека интереснейшей, незаурядной судьбы.

Н. С. Смирнова убедительно показывает демократические основы мировоззрения Г. Н. Потанина. В юности Г. Н. Потанин увлекался народническим движением и на всю жизнь сохранил интерес к народному быту, к духовной культуре народов Казахстана и Сибири. Он был убежден, что эти народы имеют право на самостоятельное развитие. Конкретные изыскания Г. Н. Потанина так значительны, что его можно назвать, как это делает Н. С. Смирнова, «одним из зачинателей этнографического направления в российской фольклористике».

Г. Н. Потанин в числе первых начал сопоставительное изучение фольклора тюрко-монгольских народов. Он был настоящим подвижником и сделал чрезвычайно много. Однако незнание восточных языков не могло не привести к известному дилетантизму в его научных построениях.

¹ См. «Живая старина», 1916, вып. II—III; «Очерки Северо-Западной Монголии», т. I—IV, СПб., 1881—1883.